

З. М. Дашевская, Ю. А. Штонда

Возникновение и развитие чинопоследования христианского погребения в Византии в X–XII веках

Статья предполагает анализ структуры византийских последований погребения в X–XII вв. и исследование тематической неоднородности древнейших элементов данного богослужения — молитв и библейского материала, а также гимнографии. Рассмотрение чинопоследований X–XII вв. позволяет установить, какие элементы, составляющие древнюю основу последования погребения, выпали со временем из богослужебной практики. Авторы исследуют тексты молитв, соответствующие категориям усопших, а также лекционарий чинов погребения в X–XII веках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литургика, евхологий, гимнография, чинопоследование, погребение.

При внимательном прочтении современного последования отпевания мирян возникает вопрос о тематической неоднородности различных элементов этой широко известной православной службы. Гимнография неотступно напоминает нам о том, что человек есть «земля и пепел» (см., например, стихиры прп. Иоанна Дамаскина), в то же время древняя молитва «Боже духов и всякой плоти» и чтения из Священного писания^{*1} содержат прошения о даровании покоя усопшему на лоне Авраама, напоминают нам о воскресении Христа и являют надежду на совоскресение с Ним. В гимнографии последования погребения тема бренности земной жизни человека явно доминирует над новозаветным утешением и надеждой, даруемой верующим через Воскресение Христа. Проблема тематической неоднородности элементов чинопоследования погребения широко обсуждалась и обсуждается литургистами. Так, иером. Мигель Арранц писал:

*1 1 Фес 4:13–17;
Ин 5:24–30

Не удивительно, что из современных заупокойных последований, загруженных средневековыми грустными и укоризненными канонами и стихирами монашеского происхождения, исчезли, кроме редких исключений, древние молитвы за усопших. Одно погребение пресвитеров сохранило некоторые из них, но уже как побочный материал, вне контекста, предвиденного ранее для них в древнем Константинопольском евхологии [Арранц 2003а, 641] (см. также: [Велковска, 455–473; Galadza, 225–257; Кочетков, 65–84]).

Протопресвитер Александр Шмеман, проф. Питер Галадза, проф. Стелиос Муксурис, проф. Елена Велковска, исследовавшие чин погребения, указывают на смысловые противоречия между различными его элементами. Американский ученый Джонатан Зечер полагает, что разнородные элементы чина следует рассматривать во взаимосвязи всех имеющихся смыслов, соединяя начало бытия и эсхатон, смерть Христа и кончину конкретного усопшего, и потому необходимо принимать во внимание взаимовлияние всех элементов в контексте последования. Согласно Д. Зечеру, чин погребения развивается по спирали: воспоминание о Христе — осмысление греховности человека — грехопадение Адама — воспоминание о Христе [Zecher, 192]. Как можно полагать, ученый считает оправданным и непротиворечивым такое смысловое разнообразие. Напротив, греческий литургист проф. Стелиос Муксурис в статье “*Revisiting the Orthodox Funeral Service: Resurrecting a Positive Thematology in the Rite for the Dead*” («К вопросу о православной службе погребения: воскрешение позитивной тематики в чине об усопших») указывает на несоответствие ранних молитв и более поздней гимнографии.

Сегодня исследователи пытаются ответить на вопрос, почему элементы, содержащиеся в древних византийских чинах погребения и связывающие погребение конкретного усопшего с Воскресением Христа, были утрачены. Необходимо также выяснить, чем были обусловлены содержательные изменения последования и в какой исторический период они происходили. Для ответа на этот вопрос требуется рассмотреть наиболее древние последования погребения периода X–XII вв., поскольку именно в эту эпоху, т. е. в период так называемого «студийского синтеза»¹,

1. «Студийский синтез» — новая редакция богослужебного устава, объединяющая три различные традиции: константинопольскую, итало-греческую и византийско-палестинскую, и возникшая в результате усиления влияния монашества после

победы над иконоборчеством в 843 г. Именно в этот период в монастыре Студийон был сформирован богослужебный устав, сочетавший в себе элементы городского кафедрального и монашеского богослужения [Тафт 2000, 62–66].

прослеживается большое разнообразие в литургических чинах, относящихся к разным географическим регионам.

Первоначальная структура, элементы и литургические действия в чине погребения и его трансформация в XI–XII веках

Наиболее древний из известных на сегодняшний день чинов погребения находится в евхологии монастыря Гроттаферрата (*Crypt. G. β. X*) и относится к X в. В более раннем евхологии Барберини гр. 336 VIII в. представлены отдельные элементы последования погребения. Молитва «Боже духов и всякой плоти» встречается в папирусе Нессана (770 г.) и в других рукописях, относящихся к VII в. [*Velkovska, 22*]. В евхологии Барберини гр. 336 представлена также главопреклонная молитва и прошения об усопшем на ектении, но целостного последования погребения в евхологии Барберини нет [*Velkovska, 22; Hutcheon, 15*].

Структура древнейшего последования погребения подробно изложена в диссертации протопр. Ф. Христодулоса [*Христодулос I, 74, 448–449*], а также в статьях Е. Велковской и П. Галадзы [*Velkovska, 30; Galadza, 229*]. Данный чин содержит элементы монашеской утрени и кафедрально-стационального богослужения. Как отмечает Е. Велковская, первая часть чина указывает на связь последования с монашеской утреней и состоит из следующих элементов:

- Шестопсалмие (или Псалом 90)
- Ектения + молитва
- Аллилуия с тропарем
- Псалом 118
- Гимнографический канон
- После 3-й, 6-й и 9-й песней Ектения + три различных молитвы
- Тропарь-эксапостиларий
- Хвалитные псалмы (Пс 148–150 с гимнографией) [*Velkovska, 31*].

Структура чина погребения, в которую входят «хвалитные» псалмы, указывает на сходство данного богослужения с субботней утреней, во время которой совершалось поминовение усопших [*Velkovska, 41*]. Указания на то, что суббота посвящена памяти мучеников, присутствуют уже в древнем Савваитском часослове IX в. Синай гр. 863, а в сирийском часослове более поздне-

го времени содержится указание, что суббота посвящена памяти мучеников и усопших [Velkovska, 41]. По замечанию И. А. Карабинова, «первоначально, по-видимому, это была память чисто монашеская, а потом, быть может, после принятия ее мирскими церквами, к ней была присоединена память святителей и священномучеников» [Карабинов, 66]. Таким образом, изначально монашеская практика поминовения усопших на субботней утрени стала основой для вариантов чин погребения в зависимости от категорий усопших. При этом анализируемый чин погребения мог использоваться как для клириков, так и для мирян [Velkovska, 31; Galadza, 227].

Второй раздел богослужения, кафедрально-стациональный, состоит из трех антифонов:

- Антифон 1. Псалом 22 + гимнография
- Ектения + молитва
- Гимнография
- Послание к Римлянам (5:12; 6:11)
- Антифон 2. Псалом 23 + гимнография
- Ектения + молитва
- Гимнография
- 1 Кор 15:1–22
- Антифон 3: Псалом 83 + гимнография
- Ектения + молитва
- Гимнография
- 1 Кор 15:29–50 [Velkovska, 33].

Данная структура связана с различными византийскими кафедральными службами суточного круга: утреней, тритоэкти и паннихис [Скабалланович, 253–254]. Среди ученых существуют разные точки зрения на историю формирования трехантифонной структуры чина погребения. Иером. Мигель Арранц предполагал, что источником чина погребения является кафедральная византийская служба паннихис — короткое богослужение, состоящее из трех антифонов, пяти пресвитерских молитв и соответствующих им ектений, содержащихся в Песенном последовании. Эта служба могла быть посвящена поминовению усопших [Арранц 2003а, 640; Рубан, 35]. В то же время, поскольку на константинопольское богослужение оказывала большое влияние иерусалимская литургическая традиция, в иерусалимских последованиях вступление к вечерне также составляли три антифона

[Скабалланович, 256]. Трехантифонная структура свойственна всем анализируемым чинам погребения монахов X–XII вв. На этом основании Е. Велковска не соглашается с позицией иером. Мигеля Арранца и развивает гипотезу, согласно которой трехантифонная структура указывает именно на иерусалимскую традицию [Velkovska, 30]. Данная структура не прослеживается в чине погребения пресвитеров в кодексе Барберини гр. 593; в чине погребения усопших, не предполагающего отдельных молитв для разных категорий усопших; и в кодексе монастыря Сан-Сальваторе гр. 172 в Мессине, а также в чине погребения мирян из кодекса гр. 153 XI в. того же монастыря Сан-Сальваторе. Перечисленные последования содержат только элементы утрени: тропари после «непорочных», канон, светилен, славословие [Христулуос 2005а, 456, 462, 466]. Трехантифонная структура свойственна только чинам погребения монахов, что, возможно, указывает на их иерусалимское происхождение, поскольку именно иерусалимская монашеская традиция была самой мощной из соседствующих с Константинополем [Тафт 2000, 29].

Третья часть последования погребения содержит следующие элементы:

- Прокимен
- 1 Фес (4:13–18)
- Аллилуия
- Евангелие (Ин 5:24–30)
- Ектения
- Тропарь
- Прощальное целование и тропарь (стихира)
- Молитва освящения елея (*та же, что при крещении*) и помазание елеем.
- По пути на кладбище полагается петь тропарь «Отверзи мне врата праведности...». Над могилой усопшего совершается главопреклонная молитва «Господи, Господи, утешение скорбящих...».

Ключевым литургическим действием древнейшего чинопоследования погребения является помазание елеем. Согласно чинопоследованию, священник трижды возливает елей в гроб, при этом масло гласно благословляется формулой, которая произносится при благословении елея во время помазания перед крещением: «Помазывается... елеем радости, во имя Отца и Сына и Святого Духа» [Христулуос 2005б, 57; ПБ 4, 48; Кочетков, 77;

Velkovska, 35–36]. Данное литургическое действие указывает не только на структурную, но и на тематическую и богословскую связь с чином крещения. Как и во время крещения, во время возливания елея в гроб положено петь «Аллилуия», что отражает символизм текста Рим 6:3–5, который читается в чине крещения и также присутствует в древнем чине погребения монастыря Сан-Сальваторе гр. 153. Наличие данного текста послания ап. Павла в чине крещения указывает на уподобление крещения погребению со Христом и совоскресению с Ним [*Арранц 2003а*, 602; *Velkovska*, 45]. Погребение усопшего завершается надеждой на всеобщее воскресение.

Таким образом, на примере данного чинопоследования можно проследить влияние «студийского синтеза»: в данный чин включены элементы монашеской утрени и кафедрально-стационального богослужения. По-видимому, структура чина формировалась под влиянием двух традиций и пока не представляется возможным с достаточной определенностью указать источники этого последования.

Развитие византийских чинов погребения связано в первую очередь с появлением новых элементов гимнографии. Кодекс Севастьянова гр. 474 (27) (X–XI вв.) впервые содержит в службе погребения пение евангельских Блаженств. В чине, находящемся в этой рукописи, появляются самогласные стихиры, приписываемые прп. Иоанну Дамаскину. В древних чинах эти стихиры чередовались со стихами псалмов [*Galadza*, 230]. В рукописи монастыря св. Екатерины на Синае гр. 963 (XII в.) впервые появляются тропари после «непорочных».

Древнейшие чины погребения содержат обряд возливания елея, но только чин Гроттаферрата (*Crypt. Г. β. X*) содержит инципит молитвы на освящение елея, тождественной молитве на освящение елея перед крещением [*Христулос 2005б*, 57; *ПБ 4*, 47]. Постепенно из чина уходит эта молитва, и сам обряд теряет начальную связь между погребением и крещением. Молитва об усопшем утрачивает коннотации надежды на совоскресение со Христом и более не отсылает к образу крещения. По-видимому, эти процессы были зафиксированы в последованиях XI–XII вв., о чем свидетельствуют евхологии.

Наиболее древние чины, относящиеся к X в., содержат довольно большое разнообразие гимнографического материала, однако с течением времени наложение гимнографии на другие более древние элементы службы погребения стало одной из причин

ухода из чина литургических действий, так называемых «слабых мест»² последования. Особенно сильно это изменение прослеживается на примере помазания елеем. Из чинопоследования постепенно была вытеснена молитва, а затем исчезло и само действие, утратив изначальный смысл.

Особенности молитв и гимнографии чина погребения, соответствующие категориям усопших

В древних рукописях, содержащих чины погребения, находятся молитвы, соответствующие категориям усопших. Так, евхологий Барберини гр. 336 содержит специальные молитвы на погребение епископа и монаха, при этом древнейшие последования не предполагали отдельных чинов для клириков, монашествующих и мирян. Ф. Христулос отмечает, что в период XI–XII вв. мы имеем дело с одним и тем же чином, который видоизменяется в зависимости от категории верующего. Например, чин монашеского погребения мог использоваться для всех категорий клириков, от диаконов до епископов [Христулос 2005а, 422]. В чине монастыря Гроттаферрата (*Crypt.* Г. β. X) в конце рукописи содержатся молитвы для пяти категорий усопших: игумена, епископа, монаха, диакона и ребенка [Христулос 2005б, 59–64; Velkovska, 36; Galadza, 227]. В другой рукописи, относящейся к X в., представлены четыре молитвы об усопших по категориям [Velkovska, 24]. Чины погребения монахов можно проследить в схиматологиях — сборниках последований монашеского пострига и погребения [Hutcheon, 19–20; Velkovska, 461; Кочетков, 71]. Особенности погребения усопших позволяют выявить тексты молитв и гимнографии.

Некоторые молитвы при погребении из евхология Барберини гр. 336 мы находим в других евхологиях более позднего времени. В молитве на погребение *монаха* из евхология Барберини особое внимание уделено монашескому труду ради Бога в этом мире:

Даруй ему венец правды, удел спасенных во славу избранных Твоих, чтобы во имя Твое за труды в мире этом он получил богатое воздаяние в обителях Твоих святых [Паренти, 225].

2. «Слабые места» — термин, введенный архим. Робертом Тафтом. «Слабыми местами» литургист обозначает литургические действия, так называемые «обряды без слов», которые, будучи элементами первоначальной структуры литургии,

постепенно обрамлялись библейским, евхологическим и гимнографическим материалом, а при его разрастании потеряли первоначальную форму или вовсе редуцировались [Тафт 2009, 79].

Тема награды за труд в мире сем, присутствующая в молитвах за других клириков, прослеживается в молитве, которая находится в Синайском Славянском евхологии X–XI вв.: «И даждь ему венец правды, часть спасаемых, в славе избранных твоих за то, что он потрудился, взяв крест свой и последовав за Тобой, как Ты заповедал, даруй ему в ответ Свою милость и сострадание» [Арранц 2003а, 616]. Тексты молитв из евхология 336 и текст кондака³ прп. Феодора Студита [Феодор Студит, 843] из евхология Ватикан гр. 1836 (XI–XII вв.) имеют схожее содержание. В кондаке указано, что усопший добровольно взял на плечи крест и пошел вслед Христу:

Ибо брат сей братству сострадательен, славен, ненавистен к дурному, глаголющий истину от сердца, не исказил языком своим слова Божьего, но всем Христос видим был [в тебе], — сего ради любит Тебя воспевающий Богу: «Аллилуиа» [Феодор Студит, 843].

В кондаке говорится о монашеском подвиге, послушании, иноческом пути — отвержении родителей, братьев, родных и всего мира по заповеди «ради ко Господу стремления» [Феодор Студит, 843]. Текст кондака адресован монашеской общине, в одной из песен текст напрямую обращен к братии монастыря:

Сколь прекрасна жизнь, которую вы избрали! Ибо что лучше, чем любить общежитие? ...Итак, радуйтесь, собратия, Пастырю послушные, друг друга любящие и страсти далеко отвергающие, чтобы вы воспели бы песнь вслух Богу: «Аллилуиа» [Феодор Студит, 845].

Молитва о почившем *диако*не присутствует в евхологии Стратигия 1027 г. и в афинской рукописи гр. 662 (XIII в.). Молитва произносится от лица церковного собрания, усопший в ней называется «братом нашим». В молитве присутствует ходатайство за усопшего и прошение: «Ты Сам воззри на труд упокоившегося брата нашего, который он в доме Твоем, Тобою укрепляемый, вместе с нами совершил»⁴ [Арранц 2003б, 314]. Текст молитвы указывает на братские отношения собрания с усопшим диако-

3. Древний кондак представлял самостоятельное большое поэтическое произведение и состоял из 20–30 строф, постепенно развивающих одну общую тему. Кондак включал следующие составные части: начальная строфа, икосы и припев, который

является последней фразой вступительной строфы. Инициалы всех строк образуют акростих [Жерн, 29].

4. Перевод молитвы о диако

ном; особое внимание уделено труду (εργασία), который усопший совершил на земле. В исследуемых источниках отсутствует специальный чин погребения для диакона, но такой чин существует в других церквях, и возможность введения последования погребения для диаконов в Русской православной церкви обсуждалась во время дискуссии на Поместном соборе 1917–1918 годов:

Относительно желательности особого чина погребения диаконов профессор (Тураев) заметил, что, так как в Коптской Церкви есть такой чин, заимствованный из Александрийской Церкви, то к возобновлению его и для Православной Церкви препятствий не усматривается (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 336–343 об. Машинопись. Подлинник. Последний лист утрачен).

Заявлением 36-ти членов Собора (Б.А. Тураев и др.) было предложено передать чин погребения диаконов на утверждение святейшему патриарху и Священному синоду, однако чин не был рассмотрен в связи с событиями революции и прекращением работы Собора.

В молитве о почившем *пресвитере* братия ходатайствует о том, кто стал «нам братом и сослужителем». Прошение возносится «за брата нашего» и «служителя с нами бывша» [Арранц 2003а, 611]. Именно эта молитва, опубликованная в евхологиях Виссариона и Стратигия, вошла в современный чин священнического погребения [Арранц 2003б, 311]. В этой молитве говорится о служении: «Ты посвятил его в служители, так покажи, что он достоин служить и у небесного Твоего престола» [Арранц 2003б, 311].

Последование погребения епископа сохраняет связь с евхаристией, поскольку она совершалась перед епископским погребением⁵. В молитве о почившем *епископе*, опубликованной под номером 269 в евхологии Барберини гр. 336, содержится прошение к Богу, «утешающему малодушных во всяком их страдании»

5. Как отмечает прот. Геннадий Нефедов, почивший иерарх как бы принимал участие в совершении евхаристии: «Во время херувимской песни служащий святитель, сотворив прощение у святого престола, творит прощение у преставльшегося святителя, как у живого, и ему дает прощение. Так же делают и все сослужащие ему Литургию. При возгласе “Возлюбим друг друга” святитель и прочие служащие целовали святой престол и преставльшегося святителя в шапку (митру), говоря: “Христос посреде нас”» [Нефедов, 240]. Перед причащением

все священнослужители просили у почившего прощение. После заамвонной молитвы гроб с телом почившего архиерея опять выносился священниками на середину храма, где совершалось отпевание по чину иноческого погребения. По указу Екатерины II в 1767 г. велено было совершать над скончавшимся епископом чин погребения священников. Первым иерархом, погребенным по этому чину, был Московский митрополит Тимофей (Щербицкий) [Нефедов, 240].

[*Паренти*, 224], утешить «Твоих овец» и позаботиться о пастве: «...о нас позаботься, Господи, как должно и угодно Твоему величию» [*Паренти*, 224]. В молитве о епископе, в отличие от других категорий усопших, ничего не сказано о «прощении грехов». Напротив, епископ ублажается как приближенный к Богу: «Блажен же воистину пастырь наш, кого Ты избрал и приблизил к Себе» [*Паренти*, 224]. В молитве испрашивается награда почившему епископу и воздаяние «ему за пастырский труд мзды справедливой». Упоминание ангельского чина по отношению к усопшему прослеживается только в молитвах на погребение епископов: «Введи его со светильником в руке в Твой небесный чертог, даруй ему свободу ангелов, чтобы непостыдно предстал перед Твоим престолом неприступным» [*Паренти*, 224].

Таким образом, разнообразие молитв, относящихся к различным категориям усопших, предполагается уже в самых древних известных нам чинах погребения. Уже в кодексе Барберини гр. 336, который не содержит полного последования погребения, представлены такие разнообразные молитвы. Такое разнообразие, по-видимому, объясняется особенностями служения, которое совершал преставившийся член церкви. Для монахов таким служением почиталось отречение от мира, для пресвитеров — евхаристическое служение, для епископа — служение пастыря. Уже в древних текстах молитв прослеживаются тенденции клерикализации, т. е. отделения духовенства от мирян, «его обособления как особой привилегированной группы» [*Мейендорф*, 145].

Как показало исследование евхологиев X–XII вв., целостные последования для различных категорий усопших появляются примерно на три столетия позже, чем особые молитвы о них. В данный период, по-видимому, в Византии использовались взаимозаменяемые чины погребения священнослужителей, монахов, мирян и младенцев. Разнообразие прошений зависело от церковного статуса почившего.

Лекционарий последований погребения в X–XII веках

В современных чинах погребения чтения из Ветхого завета не используются, а изначальное многообразие лекционарных чтений из Нового завета сохраняется только в службе священнического (пресвитерского) погребения. Напротив, последования погребения в Византии X–XII вв. отличаются большим разнообразием лекционария (см. табл. 1).

Таблица 1. Лекционарий последований монашеского погребения X–XII вв.

Ветхозаветные чтения	Иез 37:1–14	3
	Исх 49:33 ⁶ ; 50:1–26	7
	Иез 34:11–16	7
	Ис 33:14–22	7
Апостольские послания	Рим 5:12–21, 6:1–11	4, 7
	Рим 14:7–9; 14:6–9	3, 5
	1 Кор 15:1–22; 1 Кор 15:29–50	1
	1 Кор 15: 20–28	2
	1 Кор 15:1–23	4
	1 Кор 15: 29–57	4, 7
	1 Кор 15:1–28	7
	1 Фес 4:13–18	1
	1 Фес 4:13–17	4, 6, 8
Евангельские чтения	Ин 5:24–30	1, 5, 6, 7
	Ин 5:25–30	8
	Мф 11:27–30	2
	Ин 5:17–24	4, 7
	Ин 5:24–30	4
	Ин 6:35–39	4, 7

Условные обозначения:

- 1 — евхологий монастыря Гроттаферрата. *Срупт.* Г. β, X в. Рим
 2 — евхологий Севастьянова. Греч. 474, XI в. Москва
 3 — евхологий монастыря Гроттаферрата. Г. 43, XI в. Рим
 4 — евхологий монастыря Сан-Сальваторе. Гр. 153, XI в. Мессина
 5 — евхологий монастыря св. Екатерины. Гр. 963, XII в. Синай
 6 — схиматологий монастыря Сан-Сальваторе. Гр. 172. Мессина (1179 г.)
 7 — евхологий Ватикан. Гр. 1836, XI–XII вв.
 8 — евхологий Ватикан. Гр. 1969, XII в.

6. По-видимому, в диссертации протопр. Ф. Хри-
 стодулоса содержится ошибка. Нужно читать книгу
 Бытия, а не Исход с указанными стихами, посколь-
 ку в книге Исход всего 40 глав и тематически

ни один из этих стихов не мог бы подойти к дан-
 ному чину. Отрывок из книги Бытия, напротив,
 содержит описание погребения Иосифа.

Содержание таблицы свидетельствует о вариативности лекционария в изучаемый период. При погребении монахов предполагались разнообразные чтения из Нового завета, включающие варианты отрывков из Рим, 1 Кор и Фес, а также чтение Ин или Мф. Следует отметить, что тема Воскресения Христа, сопребения и совоскресения с Ним является одной из центральных тем апостольских чтений (см. особенно чтения из Рим и 1 Кор, впоследствии подвергшиеся редукции). Чтения из Ветхого завета представлены пророчествами Исаии и Иезекииля, а также отрывком из книги Бытия, который содержится в евхологии Ватикан гр. 1836. Включение в чин пророческого чтения «о сухих костях»^{*1}, которое мы встречаем в утрене Великой субботы, свидетельствует о связи последования погребения с этим богослужением Страстной седмицы.

^{*1} Иез 37:1–14

Таким образом, современный чин погребения очевидно свидетельствует о редукции литургических действий и молитв, составляющих основу службы погребения в X–XII вв. В тот период последование погребения в достаточной степени варьируется, что объясняется как статусом почившего, так и местными особенностями конкретного географического региона. Евхологии свидетельствуют о существовании одного последования, в который могли включаться различные молитвенные прошения в зависимости от церковного служения почившего. В древнейшем чине погребения прослеживается связь с крещением через возлияние елея и соответствующую молитву, заимствованную непосредственно из чина крещения, а апостольские чтения отсылают к теме Воскресения Христа, сопребения и совоскресения с Ним. Служба погребения в X–XI вв. передает смысл рождения в новую жизнь и потому является утешением для живущих, переживающих утрату близкого человека, через утверждение надежды на совоскресение со Христом. В современном последовании погребения изначальное переживание кончины христианина как вхождения в новую жизнь почти утрачено. В XI–XII вв. последование развивается, в нем появляется обширный гимнографический материал, который со временем вытесняет литургические действия и молитвы.

Анализ смысла и содержания древних последований погребения побуждает ученых искать и предлагать возможные варианты чина, дабы вернуть современному последованию дух и смысл сопребения и совоскресения со Христом. Так, проф. С. Муксурис предлагает ввести в современное последование более древние

молитвы и библейский материал, свидетельствующий в первую очередь о вере в воскресение [Muksuris, 11]. По мнению ученого, древние молитвы должны быть распределены по всему чину, т. е. структура последования должна отражать в первую очередь не переживание жестокой реальности смерти, которая доминирует в чине погребения на сегодняшний день, но тематику воскресения и победы над смертью. Кроме того, С. Муксурис не исключает возможность литургического творчества и написания новых молитв, ориентированных не только на усопшего, но на живых, скорбящих об утрате близкого человека [Muksuris, 14]. Таким образом, современные литургические исследования, посвященные теме христианского погребения, вновь и вновь ставят перед нами вопрос, насколько современный чин погребения отражает существо христианской веры в сопребение и совоскресение со Христом. Возможно, эти размышления приведут к созданию новых последований или будут содействовать возвращению в чин погребения элементов и смыслов раннехристианской практики.

Литература

1. *Арранц 2003а* = Арранц Мигель, иером. Избранные сочинения по литургии. Том II : Таинства византийской традиции. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. С. 605–641.
2. *Арранц 2003б* = Арранц Мигель, иером. Избранные сочинения по литургии. Том III : Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. С. 311–314.
3. *Велковска* = Велковска Е. Чины погребения в византийской традиции // Православное учение о церковных таинствах : Материалы V Международной богословской конференции Русской православной церкви : В 3 т. Т. 3 : Брак, Покаяние, Елеосвящение, Таинства и тайнодействия. М. : Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 455–473.
4. *Карабинов* = Карабинов И. А. Постная Триодь : Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1910. 314 с.
5. *Керн* = Киприан (Керн), архим. Литургия : Гимнография и эортология. М. : Крутицкое Патриаршее Подворье ; Грааль, 2000. С. 28–34.
6. *Кочетков* = Кочетков Георгий, свящ. Таинство погребения верных — таинство «первой» смерти человека. Отпевание и молитва «за упокой» усопших (личная и церковная) // Вестник РХД. 2016. № 205. С. 65–84.

7. *Мейендорф* = Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие : Конспект лекций. Минск : Лучи Софии, 2007. 384 с.
8. *Нефедов* = Нефедов Геннадий, прот. Таинства и обряды православной церкви : Учебное пособие по Литургике. 2-е изд. М. : Православное Богоявленское братство, 1995. 320 с.
9. *Паренти* = Паренти С. К вопросу об истории чинов таинств локальной традиции по византийскому Евхологию // Православное учение о церковных таинствах : Материалы V Международной Богословской конференции Русской Православной Церкви : В 3 т. Т. 3 : Брак, Покаяние, Елеосвящение, Таинства и тайнодействия. М. : Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 332–345.
10. *ПБ 4* = Православное богослужение : В пер. с греч. и церковнослав. яз. : В 7 кн. Кн. 4 : Последования таинств крещения и миропомазания и другие чины воцерковления : С прил. церковнослав. текстов / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б. А. Каячева, Н. В. Эппле ; Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. 3-е изд., испр. и доп. М. : СФИ, 2008. 192 с.
11. *Рубан* = Рубан Ю. И. Как молились в Софии Новгородской? : Литургия и Панихида XIII столетия. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 45 с.
12. *Скабалланович* = Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 816 с.
13. *Тафт 2000* = Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд : Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой ; Ред. рус. пер. и послесл. В. М. Лурье. СПб. : Алетея, 2000. 160 с.
14. *Тафт 2009* = Тафт Р. Как растут литургии // Матеос Х., Тафт Р. Развитие византийской литургии. Киев : Quo vadis, 2009. С. 77–118. (*Lex orandi*).
15. *Феодор Студит* = Феодор Студит, прп. Гимны (кондаки) из «Священного собрания» Ж. Б. Питры // Он же. Творения : В 3 т. Т. 3 : Письма. Творения гимнографические. Эпиграммы. Слова. М. : Сибирская благовонница, 2012. С. 803–846.
16. *Χριστοδουλος 2005a* = Χριστοδούλου Θεμιστοκλῆς Στ., Πρωτ. Ἡνεκρώσιμη ἀκολουθία κατὰ τοὺς χειρόγραφους κώδικες 10ου –12ου αἰώνος. Τ. Ι : Γενικὴ Εἰσαγωγή, Κατάλογοι, Πίνακες. Θῆρα : Θεοβίτης, 2005. 803 σ.
17. *Χριστοδουλος 2005b* = Χριστοδούλου Θεμιστοκλῆς Στ., Πρωτ. Ἡνεκρώσιμη ἀκολουθία κατὰ τοὺς χειρόγραφους κώδικες 10ου –12ου αἰώνος. Τ. ΙΙ : Εἰσαγωγικά, Κωδικολογικά, καὶ Παλαιογραφικά Κείμενα. Θῆρα : Θεοβίτης, 2005. 507 σ.
18. *Hutcheon* = Hutcheon R. From Lamentation to Alleluia : An Interpretation of the Theology of the Present-day Byzantine-rite Funeral Service Analysed through its Relationship to Bereaved Persons : A dissertation for the degree of Doctor of theology. Ottawa, ON : University of Ottawa, 2003. 408 p.

19. *Galadza* = Galadza P. The Evolution of Funerals for Monks in the Byzantine Realm : From the tenth to the sixteenth century // *Orientalia Christiana Periodica*. 2004. V. 70. N. 2. P. 225–257.
20. *Muksuris* = Muksuris S. Revisiting the Orthodox Funeral Service: Resurrecting a Positive Thematology in the Rite for the Dead. URL: www.academia.edu/4700552/_Revisiting_the_Orthodox_Funeral_Service_Resurrecting_a_Positive_Thematology_in_the_Rite_for_the_Dead_ (дата обращения: 01.06.2017).
21. *Velkovska* = Velkovska E. Funeral Rites according to the Byzantine Liturgical Sources // *Dumbarton Oaks Papers*. 2001. V. 55. P. 21–51.
22. *Zecher* = Zecher J. Death's spiraling narrative: On “reading” the Orthodox funeral // *Studia liturgica*. 2011. N 41. P. 274–292.

Z. M. Dashevskaya, Y. A. Shtonda

The Emergence and Development of Christian Funeral Rites in the Byzantine Empire in the X–XII Centuries

The article analyses the structure of the Byzantine funeral rites in the X–XII centuries and explores the thematic heterogeneity of their earliest elements, namely prayers, biblical readings, and hymnography. The exploration of the funeral rites from the X–XII centuries allows to identify which of their earliest elements were omitted from liturgical practices over time. The authors study the prayers corresponding to the categories of the deceased, as well as the lectionary of the funeral rites within the specified period.

KEYWORDS: liturgics, euchologion, hymnography, rite, funerals.